

Небо потемнело.

Ты трусцой прибежал из Прядильного тупика к дому Эвансов, ловко проскочил через знакомый до слепоты пролом в садовой ограде и юркнул в приоткрытую заднюю дверь. Навстречу хлынули теплый желтый свет и запах еды, а из гостиной донесся звонкий смех миссис Эванс.

— ...И тогда она погналась за той кошкой через всю улицу, даже туфлю потеряла! — Миссис Эванс, не снимая фартука, сновала между кухней и гостиной. В руках у нее была тарелка с только что запеченным картофелем, а на лице играла улыбка, в которой смешались досада и нежность.

Мистер Эванс, прислонившись к спинке дивана, держал в руках вечернюю газету, но даже не смотрел в нее. Глаза за стеклами очков светились весельем:

— Наша Лили в будущем станет спортсменкой, верно? Настоящий спринтер.

— Папа! — Лили сидела за обеденным столом с покрасневшими щеками. Она еще не сняла школьную форму, косы немного растрепались — сразу видно, только что примчалась с улицы. Она схватила кусок хлеба, сунула в рот и невнятно запротестовала: — Я не гонялась за кошкой! Это она украла мою ленту для волос!

— О, значит, ловила вора, — с самым серьезным видом кивнул мистер Эванс, а затем встретился взглядом с женой, и оба рассмеялись.

Лили надула щеки, притворяясь сердитой, но и сама не удержалась от смеха.

Картина была такой уютной, обычной, полной домашнего тепла. Ты стоял у входа в гостиную, и твой хвост невольно слегка дернулся.

Затем ты бросил взгляд на диван — на то место, где обычно кто-то сидел.

Пусто.

Ни раскрытой книги, ни свернувшейся калачиком фигурки, ни профиля светловолосой девочки, которая, опустив голову, делала вид, что ей всё равно.

Твое сердце слегка екнуло.

Миссис Эванс заметила тебя, наклонилась и поманила рукой:

— Сия вернулась? Иди сюда, сегодня была рыба, мы оставили тебе кусочек...

Но ты уже бежал к лестнице. Когти дробно застучали по дереву, ты в два счета взлетел на второй этаж и помчался по коридору к самой последней закрытой двери.

Комната Петунии.

Ты поскреб когтями дверное полотно. Раз, другой. Внутри на мгновение воцарилась тишина, а затем послышалась какая-то возня — будто кто-то в спешке прятал что-то под подушку и наскоро вытирал лицо рукавом.

Дверь приоткрылась.

Петуния стояла за ней. В комнате горела настольная лампа, ее тусклый свет падал на лицо девочки. Волосы были растрепаны, глаза заметно покраснели, а на ресницах еще блестели невысохшие слезы. Увидев тебя, она сначала облегченно выдохнула, а потом быстро отвела взгляд, не желая, чтобы ты видела выражение ее лица.

— Это ты, Сия, — голос ее прозвучал глухо, с характерным для недавнего плача носовым оттенком, но она старалась держаться как обычно. — Почему ты пришла сюда? Разве не идешь вниз ужинать?

Ты не ответил — да и не мог. Ты просто опустил голову, протиснулся в щель, дважды обошел вокруг ее ног и кончиком хвоста нежно коснулся ее щиколотки.

Петуния посмотрела на тебя сверху вниз, губы ее дрогнули, но слов не нашлось.

Она закрыла дверь и села на край кровати. Ты последовал за ней, запрыгнул на постель и, упершись головой ей в руку, начал настойчиво тесниться под бок. Наконец она перестала сдерживаться, подхватила тебя, усадила к себе на колени и зарылась пальцами в шерсть на твоей шее, поглаживая раз за разом.

Долгое время было тихо.

— ...Лили снова принесла свою грамоту, — наконец произнесла Петуния. Голос ее был очень тихим, в нем сквозила обида, которую она пыталась подавить, но не смогла. — Первое место по правописанию. Мама так рада, говорит, нужно приклеить на холодильник. Папа сказал, что с такими успехами она обязательно поступит в хорошую школу.

Она замолчала, машинально вырисовывая пальцами круги у тебя на спине.

— Никто не спросил, как прошел мой день в школе. Никто не спросил, какие оценки я

получила, — голос ее стал еще тише. — Впрочем, никого это не волнует. Я ведь не такой особенный ребенок. Не владею магией, не получаю грамот, не умею нравиться всем, как Лили...

Она уткнулась лицом в твою макушку, и слова стали неразборчивыми в густой шерсти:

— Я просто обычная Петуния.

Твое сердце сжалось.

Ты хотел сказать ей: нет, это не так. Ты особенная. Ты — первый человек в этом мире, к которому я сам захотел приблизиться. Ты внимательнее и нежнее всех на свете, ты тайком подкармливаешь бездомную лису, ты притворяешься равнодушной, но не можешь удержаться и гладишь меня по голове. У Лили есть ее магия и сияние, но то, что есть у тебя, ей никогда не постичь.

Но ты всего лишь лиса. Ты не можешь произнести эти слова.

Ты только поднял голову из ее объятий и теплой, влажной стороной языка лизнул ее в подбородок. Петуния замерла и посмотрела на тебя. Ты лизнул ее в щеку и почувствовал соленый привкус.

Затем ты обернул вокруг нее свой пушистый хвост и мягко, очень мягко провел им по уголкам глаз, стирая еще не высохшие следы слез.

Петуния смотрела на тебя во все глаза, ее веки снова покраснели, но на этот раз она не заплакала. Она прижала тебя крепче, положила подбородок тебе на голову и сделала глубокий вдох.

— ...Спасибо тебе, Сия.

Ты не шевелился, тихо лежа у нее на коленях, чувствуя, как ее дыхание постепенно выравнивается, а движения пальцев на твоей спине становятся все медленнее и тяжелее. За окном уже совсем стемнело, снизу доносились приглушенный смех Лили и звон посуды, но здесь, в этой маленькой комнате, оставался только тусклый свет лампы, девочка, которая наконец перестала притворяться сильной, и белая лиса, положившая хвост ей на ладонь.

Ты закрыл глаза, слушая, как ее дыхание стало ровным и глубоким.

Она уснула.

Ночь окончательно вступила в свои права, улица за окном затихла, смех Лили и стук тарелок

внизу затихли вдали. В комнате Петунии остался лишь круг желтого света от лампы, похожий на маленький безопасный кокон.

Дыхание Петунии стало размеренным, пальцы безвольно лежали на твоей спине, больше не двигаясь. Голова ее склонилась набок, на ресницах еще блестела влага, но брови наконец расправились — ушло то напряжение, с которым она пыталась держаться. Во сне она казалась на несколько лет моложе, сбросив маску напускной важности и сдержанности, открывая мягкость, присущую обычному ребенку.

Ты осторожно приподнялся из ее объятий, стараясь не разбудить.

Глядя на ее спокойное спящее лицо, ты вспомнил тот день, когда увидел ее впервые — она стояла за спиной Лили, с аккуратно уложенными золотистыми волосами, а в голубых глазах читалась осторожная жажда тепла. Тогда ты уже знал: эта девочка не та «злая Петуния Эванс», о которой болтали другие. Она просто ребенок, которого не замечают, живущий в тени ослепительной сестры, изо дня в день учащийся прятать разочарование за аккуратными складками юбки и ровным почерком.

Сегодня вечером она не смогла скрыть свою печаль.

Ты аккуратно высвободил кончик хвоста из ее ладони и свернулся белым пушистым комочком у нее в ногах, положив голову на передние лапы, чтобы охранять ее покой. Свет лампы падал на кончики ее волос, на твою белоснежную кожу и на раскрытый блокнот на тумбочке — там была начата статья под названием Мое любимое животное, а первая строка была выведена старательно и с нажимом:

У меня есть белая лиса, ее зовут Сия. Она не умеет говорить, но она — лучший друг на свете.

Твой нос внезапно защипало.

За окном ветер проносился по улицам Кокворта, заставляя листья тихо шуршать. Ты знал, что где-то вдалеке, в узкой мансарде в Пряильном тупике, лежит мальчик — возможно, он смотрит в потолок, а может, уткнулся лицом в подушку, делая вид, что ему нет дела до пустого места рядом.

Вы все бодрствовали или спали в своих ночах, ожидая рассвета, чтобы встретиться вновь.

Но сейчас ты не думал об этих далеких и тяжелых вещах. Ты просто свернулся еще плотнее, прижавшись к руке Петунии, чувствуя сквозь одеяло ее ровное сердцебиение. В комнате было тихо, безопасно и тепло. Сегодня ночью кто-то плакал, кто-то утешал, и кто-то наконец уснул.

Ты провел кончиком хвоста по ее тыльной стороне ладони и закрыл глаза.

<http://bllate.org/book/21197/2145813>